

Поезд Москва—Киев шёл по своему маршруту.

В купе находились трое: я и двое мужчин. Обоим попутчикам было за пятьдесят. Крепкие телосложением, с руками, знающими, что такое труд и нелёгкий заработок. За окнами проплывали пейзажи среднерусской равнины с широкими просторами, окаймлёнными перелесками, стайками берёз, оврагами, лесами с буреломами. Когда состав, громыхнув по мосту, поплыл мимо поля, один из попутчиков произнёс с глубоким вздохом:

— Зэмлю пора ораты...

— А чё на неё орать-то? На скотину, оно — понятно. Ты куда пошла? Ну-ка, назад! Или вперёд... Куда надо, туда и орёшь... А на землю... К ней с лаской надо, а не с ором подходить, — возразил пассажир, который сидел напротив.

— Я ж нэ говорю, що на неи трэба крычаты, я кажу, що потрибно ораты.

— А какая разница: орать или кричать?

— От ты непонятливый. Ора-а-ты. Розумиешь? Нэ крычаты на землю, а саму ораты...

— Не пойму.

— Ну як тобі пояснить? Ты знаешь, що е такой Будынок ООН, Организации Объединенных наций?

— ООН знаю.

— Так у тий Амэрыци е скульптура Вучетича. Называется «Пэрэкуём мэчи на орала». Той скульптор у вас на Мамаевому кургани таку вэлычэзну Батькивщину-Мать зробыв! З мэчэм. Був я в Сталингради. Ото, я тобі скажу, скульптура! Аж подых зупыняется! Так от, про орала. Пэрэкуём. На плугы, на лемихы... Розумиешь? Словьяны так звалы плугы — орало. От того слова и ораты землю. По-российськы... Пахать! Вы ж, кацапы, позабувалы наши словьяньски слова, понавядумувалы нэпонятни. Вместо мисяць говорите луна... То писня луна, а як мисяць може лунаты — не уявляю.

— А я вот, к примеру, не понимаю, что такое песня-луна, — с вызовом возразил русский. — Или песня, или луна, а то песня-луна.

— Луна, лунае — это значыть звучыть, алэ нэ просто так, а красыво, з душою, плывэ по-над селом, по-над ставком з вэрбамы. Аж душу пройма. Ось, що означае писня луна.

— Ну да, песня, как луна, плывёт над твоим селом...

— Хай будэ и так. Головнэ, ты поняв.

— Понял, понял...

— А ще кажэтэ «топор». Що це за топор? То пёр, то запёр...

— А по-украински как же будет топор?

— Сокрыра. Як наши пращуры казалы «секира».

— Сравнил. Секира — это боевое оружие. Секир-башка, как говорится.

— Ну, башка не башка, а в нашый мови мы нэдалэко видийшлы вид слова, що когда-то звучало на берегах Волгы та Днипра.

— Угу, и до сих пор всё той секирой машете.

— Ну, не вси... А махають ти, яки позабувалы, що мы выйшлы из Киевськой Руси: и украинци, и руськи, и билорусы... Алэ то на ных якась лыхоманка напала. Пройдэ якось...

— Ну, сосед, и хитрова-ан: знаешь русский язык и прёшь на меня, как танк... Я по-украински плохо кумекаю и возразить нечем. Гостевал у вас, но давно, кое-что выучил, да позабывал уж. Давай-ка оставим в стороне слова и славянизм.

— Нэ возражаю.

— А то, что на твоих сородичей лихоманка накинута — это ты в самую точку попал. Чего враждуют? Зачем кричат про недругов из России? Чего делают? Вот нам с тобой нечего же делить? Нечего! Ты, вижу, работага, и я того же роду-племени.

Эх, бывало, куда ни прибудешь, везде родную душу найдёшь. Кроме прибалтов... Они как-то кислотовато к нам относились...

— Среди них и добрые люди были.

— Конечно. Но всё равно, приезжаешь, примером, в Грузию. Горы! Море! Шашлык! Вино. Ребята гостеприимные! До сих пор вспоминаю, как отдыхалось там... Нет, взяли и разбежались в разные стороны... Да ещё и воевать надумали друг с другом... Ну куда это годится?

— Цэ ты правый, никуда не годится. Если и разбежались, то всё равно по-людски трэба жить. По-соседски. А сколько в семьях есть мешанины: тут тебе и кацап, и хохол, и молдован, и поляк... Так что же, теперь и из семей из-за национальности тикать? Бардак будет, а нэ життя.

— Я, брат, в пору молодости к вам ездил за сеном. В моём краю засуха траву на корню загубила. Ну и командировали на Украину. Тоже, знаешь, самые лучшие воспоминания остались от той командировки. Расположилась наша колонна чуть ли не в центре села. Да, можно сказать, и в центре, потому что до клуба — рукой подать. Площадь у них огромная такая, мы всем табором на ней уместились. А нас провожали и приказывали: «Вы там работайте да оглядывайтесь, всё же к Западной Украине поближе будете».

— А дэ ж стоялы?

— В Винницкой области.

— То така Западна Украина, как я бандурыст.

— Нам так сказали. День-другой проходит, все здороваются, расспрашивают, откуда и почему. Доброжелательное такое отношение. Чтобы оправдать выказанное доверие, стараемся, вкальваем по полной программе. Начальство ещё наказало не только сено привезти, а и помочь украинцам транспортом, совместными, так сказать, усилиями, подсобить в строительстве школы местному колгоспу (при этом слове сосед одобрительно кивнул головой), в проводке электролинии по селу, укладке дороги... Пашем, как папы Карлы, времени не замечаем. Глядь, уборочная подкатила. И там успели помочь. Ну, народ ихний смотрит: умеют кацапы работать, на совесть упираются. И заприятельствовали хохлы с нами, а мы с ними. Да и с хохлушками тоже. Гарных девчат в селе хватало предостаточно. Холостяки наши всеми силами упрочивали дружбу народов. Им на работу идти, а они только возвращаются после того укрепления. Да и женатые, чего греха таить, отыскивали вдовушек, тоже утром приходили дружкой утомлённые и смачным завтраком накормленные. А тех мужиков, что держались, кто верность оставленным на родине половинкам сохранял, стал люд в гости звать. Как отказать гостеприимным хозяевам?

— Ты, выходит, среди стойких находился?

— Выходит. Это не главное. Главное, заглянешь к какой-нибудь доброй душе, а у неё в хате на столе чего только нет! И огурчики, и картошечка, и сальце. Вот уж истинно: самый полезный витамин «С»! Да с перчиком, да с чесночком! Обьедение! Настоящая пища! Ещё мне понравились голубцы и колбаса-кровянка... И ко всему — самогоночка.... Веришь, брат, утром и голова не болела. А!

— Так если добра самогонка, то чего ж голова будет болеть? То от гычанки трещит, як казан, а если пэрвачок да из сахара... — украинец закрыл в блаженстве глаза. Открыв, спросил:

— А як тэбэ зваты?

— Иваном.

— А я Мыкола. Слушай, ты так смачно розказуешь, что аж есть захотилося. Пообидаемо?

— Можно и пообедать.

Каждый нырнул в свою сумку.

И вскоре на столе появилось много из того, о чём вели речь собеседники: курочка, картошечка, яйца, сало, хлебушек, соль, чесночок, лучок, колбаса-кровянка...

Мыкола настороженно взглянул в мою сторону, потом подмигнул соседу:

— Може, дядю Сэма спробуемо?

— Настоящая самогонка?! С Украины?

— Сама настоящая, а як жэ. Я, когда отправляюсь в Москву, беру з собою килька пляшок, а одну завсегда отставляю на

обратну дорогу. Хлопци кажутъ: «Зачем она тебе, ты практично не пьёшь». Отвечаю: «А если добрый человек встретится, а мне нечем будет и угостить. Как-то не по-людськы» — «Бери, бери, всё равно назад привезёшь». Бувало, що и привозил вместе с новыми бутылкамы.

Обернулся ко мне:

— Присоединяйтесь до нас.

— Спасибо, с удовольствием.

Пить, правда, не буду. А вот в котёл внесу, чем богат.

Попутчики плеснули в стаканы понемногу, для разгона. Крякнули почти одновременно и потянулись к закуске. Русский положил на кусочек хлеба сало, степенно откусил, пережевал и произнёс с удовольствием: «Пища богов! Ни дать ни взять». Усмехнулся: «Шмат сала — он и по-русски шмат сала, и по-украински. Так ведь?» — «Так», — согласно прижмурился сотрапезник.

А я получал удовольствие от их разговора, перешедшего в мирное русло, от здоровой, народной пищи и от растекающихся за окном пейзажей.

Выпив ещё по чуть-чуть, собеседники решили что-нибудь спеть.

— Только тыхэсэнько, тыхэсэнько, як у фильми «З лёгким паром!»

— Не иначе. С какой начнём? С русской или украинской?

— А з любви.

Иван подумал-подумал и затынул:

*Распрягайте, хлопцы, коней
И лягайте спочивать...*

Мыкола подхватил:

*А я тиду в сад зэлэный,
В сад крыныченьку копать...*

Допев до конца, хохол с иронией спросил:

— Так чья ж цэ писня? Ты, мэни здається, нэ російською мовою спивав, га?

Кацап хохотнул и согласился:

— Песня-то вроде русская, а поём, выходит, по-украински. Теперь твоя очередь.

Николай перед началом запева тоже призадумался и начал тихо:

*Мисяць на нэби, зиронькы
сяють,*

Тыхо по морю човэн плывэ.

В човни дивчына писню

спивае,

А козак чуе — сэрдэнько мрэ...

После третьей попутчики повспоминали русскую и украинскую кухню, пришли к выводу, что много есть общего, как, например, пше́нная каша со шкварками, а есть и различия. Украинские галушки не похожи на русские. А пампушки? Украинские... А вареники? И те, и другие, главное, чтобы, когда надкусуешь, например, с вишней, соседу соком, сладким и бордовым, в глаз не попасть... Или, того хуже, соседке. Ха-ха-ха! А блины? Ну, это русское лакомство. Со сметанкой ли, с медком или с вареньицем... Вкуснотища, да и всё! А лапшичка из утятини?..

— Ну, давай ещё по граммуле дёрнем за наши столы богатые.

— Не перечу.

Выпили. Опять заспивалы:

Шумел камыш, деревья

гнулись,

А ночка тёмная была,

Одна возлюбленная пара

Всю ночь гуляла до утра...

Душевно выводили, с чувством, но громковато. Появилась проводница: «Господа хорошие, вы мешаєте соседям. Умерьте пыл свой».

Я встал, выходя из купе, легонько оттеснил проводницу и как можно ласковее произнёс: «Родненькая ты моя, ничуть они не мешают. Напротив, такое наслаждение получаю от пения. Дружба народов — понимаешь? Такое общение дороже всяких дипломатических переговоров, торговых соглашений и прочей бюрократической туфты. Это — от сердца. Пусть поют. А поют они, по-моему, прекрасно».

Девушка улыбнулась: «Мне тоже нравится. Но всё же пусть потише это делают». — «Я прослежу».

Вернулся обратно, обнаружил собеседников, которые сидели рядом на одной полке и рассказывали друг другу о себе, о детях и семьях.

Вскарabalкался наверх, слушал приглушённый говор, и по душе растекалась прямо-таки благодать. Тепло вперемешку с умиротворённостью заполняли моё естество. Будем жить, ребята! И никакие правители и политические веяния не смогут разбить многовековое братство. Мы ведь одной крови...